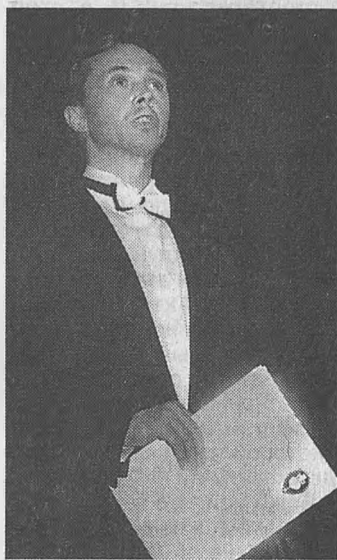

Одиночество Николая Бурляева

“ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ” – IV

Светлана ХОХРЯКОВА

“Да не бойтесь вы нас”, — с такими словами обратился к журналистам актер и режиссер Николай Бурляев, а теперь и президент Международного кинофестиваля славянских и православных народов “Золотой Витязь”, на пресс-конференции по случаю проведения уже четвертого по счету кинофорума. Народ устал от “Терминаторов”. Мы же живем во времена иуд, подлостей и искушения, по мнению Н.Бурляева. Славянская культура отлична от западных миров. Потому-то в программе были представлены фильмы, способные, как считают учредители фестиваля, спасти этот обескровленный мир. Работали организаторы “Золотого Витязя” в условиях почти экстремальных: нет денег и своего угла. Добиться приема на высшем уровне никак не удастся. Обращение к различным партиям (от В.Жириновского до главы партии пива), всем крупным банкам никакого результата не дали. И так, отказали все, но “Все будет при любых обстоятельствах” — в это Н.Бурляев верил свято. И “Золотой Витязь” благополучно стартовал 1 октября под прекрасным девизом — “За нравственные христианские идеалы. За возвышение души человека”. Среди прочих учредителей фестиваля: киноцентр “Русский фильм”, Роскомкино, Российское земское движение. В конкурсной программе (их четыре: художественных, документальных, анимационных и видеофильмов) представлено было около девяноста картин из России, Польши, Белоруссии, Сербии, Украины, Греции, других стран. Деньги на фестиваль выделил Александр Лукашенко, белорусский президент и истинный славянский витязь, по мнению Н.Бурляева.

Мы не лучше других, мы — другие... МЕЖДУ НАМИ, СЛАВЯНАМИ

Игорь СЕМИН

Традиционный “круглый стол” “Золотого Витязя” на этот раз далеко выплеснулся за рамки чисто кинематографической проблематики. Что ж, видимо, такова сейчас ситуация не только для славянского кино, а и для славянства в целом. И потом, выходить за рамки — это тоже не последняя родовая черта нашего национального характера.

Николай БУРЛЯЕВ:

— В чем суть, в чем идеи кинематографической культуры славянства? Мы впервые задумались об этом в блокадной Сербии. А до этого и я сам за все уже более 36 лет творческой жизни не был озабочен, на какой киностудии я работаю, на какие духовные ценности нас ориентировали во ВГИКе, в традициях какой культуры мы творим — русской или какой-то другой? Ведь и у меня в роду — и цыгане, и украинцы, и белорусы... Тем не менее еще в 1812 году, когда французы брали в плен чукчу или удмурта, считали, что это “плотный русский”. А Гоголь говорил, что Пушкин — это прообраз того настоящего русского, каким он явится через 200 лет. Время подошло...

И вот теперь я езжу, отбираю картины для “Золотого Витязя” — и передо мной стала вырисовываться очень красивая и глубокая по самоотдаче, а не по самоутверждению культура, в которой мы выглядим отнюдь не лучше других, но — явно другими! Тогда как принято у нас чуть ли не стыдиться этого. А вот отдавать дань чужому, западному вкусу и вводить в свои фильмы кадры, несовместимые с нашей славянской, православной культурой, чем и я грешил, и мои собратья по кинематографу, — это не стыдно?

(Тут сразу вспомнились совершенно запредельные по откровенности кадры группового изнасилования из сербского фильма “Вуковар. До востребования”). И, разумеется, по вольтеровской иронической логике, “от одного изнасилования добродетель не портится”. И, конечно, по голливудским стандартам, последующая кровавая месть силашкам как бы восстанавливает справедливость. Но все же для славянского, православного целомудрия явно не хватает немедленного, неотвратимого возмездия насильникам уже в момент греха. Не обязательно в сюжете, но в эстетике кадра, в мощных художественных деталях должны были

авторы развенчать жестокий “западный” натурализм “славянским” победным противовесом Божьей кары. Не эта ли вера возрождает славянские души из пепла?).

Игорь ШАФАРЕВИЧ:

— Вот идеи славянофилов — оправдались ли они или оказались какой-то иллюзией? Видимо, не оправдались. Не представляется ныне великая славянская цивилизация с центром в Константинополе, славянские страны слишком часто враждовали друг с другом, как и в данный момент. Но все же эти идеи на что-то указывают в будущем. Ведь с XVIII века в Европе создается культура, основанная на чисто рациональном подходе, которая все время должна расширяться и тем самым приходит в противоречие с ограниченностью земли, человеческих возможностей. Это и есть так называемая “западная” цивилизация, которая, несмотря на свой блеск, уже проявляет себя как тупиковая.

Говоря же о постиндустриальном обществе, предполагают обычно вершину этой же рациональной, технической цивилизации. Но мне думается, что реальное постиндустриальное общество — это то, которое сбросит с себя оковы рационального подхода к жизни.

(Превосходной иллюстрацией к размышлениям Шафаревича была польская картина Тадеуша Казаревича “Янчо Водолой”. Ведь в той сугубой (и в то же время вполне достаточной для здоровой, полнокровной жизни) бедности, в которой существуют герои фильма, ничто не отвлекает от слияния с природой, от размышлений о главном — ни сникерсы, ни памперсы, ни тампаксы... Но в то же время и

вполне западный образ жизни героев ленты “Темная ночь” Драгана Кресои не уничтожает в белградских сербах корневых нравственных чувств, позволяющих и собой жертвовать, и о семье заботиться, грешить и каяться, искупая грехи благодаря способности отрешиться от бренного — к вечному...)

Йован МАРКОВИЧ:

— Два месяца назад, когда авиация НАТО в первый раз бомбила сербов, спросили — почему? Ведь по уставу миротворческих сил можно бомбить, когда атакуют? Ответ последовал исторический: сербы не атаковали, но они думали нас атаковать! И так, нас уже бомбят за наши мысли! Я думаю, что мы никогда не хотели разбивать дух Запада бомбами. Поэтому “Золотой Витязь” для нас — это такое место, где мы можем разбивать дух духом. Православная идея возвышения души человеческой, провозглашенная в девизе фестиваля, очень важна. Но мы эту идею должны не просто пропагандировать, а показать ее воплощение в жизни. А то мы рискуем повторять ошибки той недавней нашей пропаганды, вырождение которой мы все наблюдали...

(Этого действительно еще немало. Все эти “проникновенные” цитаты под малиновый звон, слащавые красоты и ханжеское смиренномудрие еще нередки в славянском кинематографе. Подобно недавним “партийным” агиткам они выхолащивают суть и способны лишь отвратить мятежную душу нестерпимой для нее показухой. Будем бдительны, чтобы очередные “руководящие и направляющие” нас не оседлали!).

Иван НИЧЕВ:

— Я показывал свою картину и у себя в Болгарии, и на Берлинском фестивале, в Варшаве, в Кракове... Но то были мероприятия государственных, а здесь — братская встреча. Хорошо, что вы так широко ставите вопрос — не только о фильмах, но и о взаимоотношениях с западной культурой. Потому что если мы в этом сейчас не разберемся, то после Балкан будет еще что-то...

На этой тревожной и в то же время бодрой ноте разговор о славянском кино и православной культуре отнюдь не был закончен — лишь прерван. Прозвучали и обращение к народам по поводу балканской войны, и проект Хартии всемирного славянского союза... Словом, будет о чем подумать до следующего фестиваля, и не только славянам.